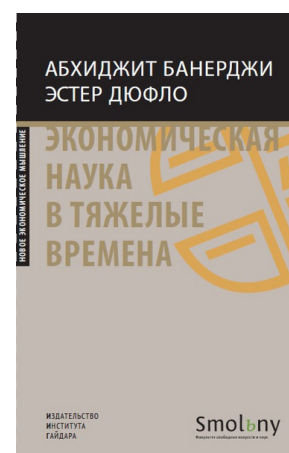

НОВЫЕ КНИГИ

И. В. Троцук

Экономическая книга для социологического чтения¹

Рецензия на книгу: Банерджи А., Дюфло Э. 2021. *Экономическая наука в тяжёлые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности* (перев. с англ. М. Маркова, А. Лащёва; под науч. ред. Д. Раскова). М.: Изд-во Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. 624 с.

ТРОЦУК Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

Email: irina.trotsuk@yandex.ru

Рецензируемая книга была издана в 2019 г. и не могла не привлечь внимание академической общественности, представляя своего рода внутри- и междисциплинарную саморефлексию двух мировых «звёзд» экономики, получивших в 2019 г. Нобелевскую премию². Российские исследователи, учитывая то, какое количество долгов развивающихся стран продолжает «забывать» наше государство (см., например: [Воронов 2020]), неоднозначно оценили основную заслугу экономистов — разработку инструментов повышения эффективности иностранной помощи бедным странам (см., например: [Banerjee, Duflo 2007; 2009; Banerjee et al. 2015]). Впрочем, книга была позитивно воспринята как зарубежными, так и российскими читателями. Первые подчёркивали доступный стиль изложения важнейших социально-экономических вопросов современности в прикладном русле (поиск решений глобальных проблем в интересах построения более гуманного мира), но отмечали отсутствие критической оценки «капиталистического мировоззрения», игнорирование ряда тем (например, теневая экономика), слишком смелые сопоставления и обобщения, невнятность практических рекомендаций (см., например: [Crabtree 2019; Ball 2020; Kumar 2020; Oomten 2020; Srivastava 2020]). Вторые соглашались с этим, но отмечали также, с одной стороны, масштабность и региональный охват, опору на факты и борьбу со стереотипами, а с другой стороны, прискорбное игнорирование российского «кейса» и политэкономических обобщений, задаваясь и вопросом о том, насколько пандемия скорректировала оценки и прогнозы авторов (см., например: [Мещерякова 2020; Кушнарёв 2021]). Рецензия суммирует основные тематические линии книги с позиций читателя-социолога и с учётом сегодняшнего дня и российских реалий: статус экономики (как дисциплины и сферы совместного регулирования государства и рынка), типы социальной поляризации, мифы и факты о миграции, возможности и ограничения свободной торговли, социально-психологические механизмы экономических процессов, неопределённость экономического роста и пути

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

² См., например: Research to Help the World's Poor. 2019. URL: <https://www.nobelprize.org/uploads/2019/10/popular-economicsciencesprize2019-2.pdf>

смягчения бедности (всё же о победе или даже напряжённой борьбе с ней сегодня говорить не приходится в силу актуализации милитаристски-геополитической повестки).

Ключевые слова: Банерджи; Дюфло; экономика (наука и экономическая политика); проблемы современности; миграция; бедность; экономический рост; свободная торговля; убеждения и стереотипы; регулирование и реформирование.

Введение

В 2021 г. был издан русский перевод книги лауреатов Нобелевской премии по экономике Абхиджита Банерджи и Эстер Дюфло, вышедшей на Западе в ноябре 2019 г. Указание временных рамок издания необходимо, потому что, согласно аннотации, книга призвана показать, как экономическая наука, когда её правильно применяют, способна помочь преодолеть самые трудные экономические и социальные проблемы современности. «У нас есть ресурсы, чтобы достойно встретить все вызовы, — от иммиграции и до неравенства, от замедления экономического роста и до ускорения климатических изменений, — но нас слишком часто ослепляет идеология» (с. 4). Авторы посвятили книгу своим детям «в надежде, что они вырастут в более справедливом и гуманном мире» и «обществе, построенном на сострадании и уважении» (с. 7, 4). Читая книгу в 2022 г., невозможно не испытывать противоречивые чувства: во-первых, пережив ковидную эпоху, в условиях нынешней милитаристской реальности приходится признавать, что описанные авторами проблемы сейчас несколько вытеснены из общественной повестки более глобальными рисками; во-вторых, сегодня хочется вернуться в тот, представленный в книге, мир, а для этого необходимо понимать суть его ключевых проблем и возможные (предлагаемые) инструменты их решения.

Книга имеет чёткую структуру — девять глав, введение и заключение. В неё включены множество идей, оценок, данных и примеров, к которым авторы неоднократно возвращаются на протяжении всего повествования, приводя новые детали, ссылки и уточнения. Нет смысла реферативно воспроизводить структуру книги; обозначим её основные тематические линии с авторской аргументацией. Книга представляет собой не строгое научное изложение для экономистов (в аннотации рекомендуемый круг читателей не уточнён, что лишает потенциальных критиков книги возможности предъявить ей претензии в излишней наукообразности или недостаточной академичности), а вполне научно-публицистическое, предназначенное для широкой, пусть и хорошо подготовленной, аудитории.

Два типа поляризации

Главный рефрен повествования — оценка «статуса» и возможностей экономики как науки и ремесла экономистов в современном мире «психоделического безумия Брексита, жёлтых жилетов, американо-мексиканской стены и напыщенных диктаторов», где «неравенство активно нарастает, надвигаются экологические катастрофы, а проводимая политика грозит новыми глобальными бедствиями, но всё, что мы [экономисты] можем этому противопоставить, это набор банальностей» (с. 9). Авторы позиционируют книгу как попытку суммировать правильные и неверные решения экономической политики, определяя последние как результат ослепления идеологией, упущения очевидного и постановки нечестных диагнозов (противопоставление науки и идеологии — один из базовых сюжетов социологии, даже в учебной литературе). Ситуацию усугубляют два обстоятельства (причём их масштабы и негативное влияние лишь возросли после выхода книги): во-первых, «общественные дискуссии по основным экономическим вопросам <...> становятся всё менее и менее рассудительными» (с. 10); во-вторых, сохраняется устойчивое убеждение, что проблемы богатых и развивающихся стран принципиально различны, тогда как «на самом деле зачастую они пугающе напоминают друг друга (забытые в результате развития люди, раздувающееся неравенство, неверие в правительство, фрагментация

общества и политики и т. д.)» (с. 10). Благодаря данной тематической линии и её ответвлениям, а также относительно простому слогу и понятным жизненным примерам, сочетанию серьёзной интонации с риторическим вопрошанием и долей юмора книга будет интересна читателям в любых странах, и рассмотренные кейсы поймут жители любой страны (в духе перевёрнутого заключения Л. Н. Толстого о счастливых и несчастных семьях: в социальном смысле все несчастные похожи друг на друга).

Фактически перед нами книга о двух типах растущей поляризации: с одной стороны, речь идёт об «общественных дискуссиях между левыми и правыми», которые «превращаются во всё более и более громкую ругань <...> и бессмысленное использование резких слов оставляет всё меньше возможностей для примирения» (с. 11): терминология оказывается всё более эсхатологической, наблюдается «трайбализация» взглядов не только в сфере политики, но и в отношении сути и способов решения важнейших общественных проблем. Ситуацию усугубляет желание правительств либо избегать насущных проблем, делая для их решения очень мало, либо возлагать ответственность за современные кризисы на экономистов, которые, будучи поляризованы, говорят прямо противоположные вещи (с. 15). По сути, авторы предлагают читателю имплицитную типологию экономистов: «правильные» академические экономисты «располагают полезными экспертными знаниями», занимаются научными исследованиями, держатся подальше от футурологии и «отчаянно пытаются предупредить общество» о последствиях политических решений (например, что Брексит будет сопровождаться высокими затратами); «неправильные» самозванные, медийные, публичные «экономисты» (представители «плохой экономической науки») работают на публику, работодателей и собственную известность, «часто поглощены своими моделями (привержены некоей ортодоксальной концепции) и методами и иногда забывают, где заканчивается наука и начинается идеология» (с. 20), что подрывает доверие к представителям экономической науки в целом (например, согласно опросам в Великобритании и США, только каждый четвёртый респондент доверяет экономистам; ниже на «лестнице доверия» стоят только политики). Авторы не снимают вины за падение доверия к экономической науке и с академических экономистов, которые «почти не уделяют время объяснению зачастую сложных рассуждений, стоящих за их более тонкими выводами» (с. 21): они «располагают очень небольшим числом абсолютно несомненных фактов», и «наибольшую ценность представляют не их выводы, а тот путь, по которому они прошли, чтобы прийти к ним, — известные им факты, способы интерпретации этих фактов, проделанные ими этапы дедукции, сохраняющиеся источники неопределённости» (с. 23).

Это не означает, что авторы в соответствии с нынешним критическим дискурсом «эпохи постправды» ставят под сомнение само понятие «факт»; они лишь признают, что «экономисты похожи на сантехников <...> решают проблемы с помощью комбинации из интуиции, основанной на науке, некоторых догадок, основанных на опыте, и множества проб и ошибок» (с. 24). Соответственно, «у нас много хорошей экономической науки», которая «очень похожа на медицинские исследования» неуверенностью в окончательном «диагнозе», который может поменяться в свете новых данных; незавершённостью (любая фундаментальная теория корректируется в ходе развёртывания в реальном мире); «репортажем из траншей», где ведётся исследовательская работа, анализируются её ход и результаты, и учёные «всё время пытаются отделить факты от несбыточных мечтаний, смелые предположения от надёжных результатов, то, на что мы надеемся, от того, что мы знаем» (с. 25) (но медийные персонажи «от науки» даже не делают вид, что занимаются чем-то подобным).

В то же время эта книга об объективной социальной поляризации, которая препятствует «хорошей жизни», а под таковой авторы понимают не только материальное благосостояние (определённый доход и уровень потребления), но и всё, что «нужно для полноценной жизни <...> уважение сообщества, комфорт семейной жизни и дружеского общения, достоинство, лёгкость, удовольствие» (с. 25). Сведения благосостояния к доходу авторы считают «удобным упрощением», «искажающей оптикой, которая зачастую приводила умнейших экономистов на неверный путь, политиков к неправильным решениям,

а слишком многих из нас — к ошибочной одержимости» (с. 25–26). Признавая верность подобной критики узкой трактовки благосостояния, следует всё же уточнить, что доход и уровень потребления фиксируются как экономико-статистические показатели, а измерить остальные «компоненты» расширительной версии «хорошей жизни» затруднительно даже социологическими методами.

Мифы и реалии миграционных процессов

Основное содержание книги составляют несколько ключевых для экономической науки «макрокейсов». Первый из них — миграция. Этот объективный процесс за счёт риторических инструментов (в формате «смертоносные орды мексиканских мигрантов» штурмуют США) стал «наиболее важной политической проблемой в самых богатых странах мира» (с. 27). Авторские критические оценки «расистского [скорее, даже националистического — в отношении чужаков в целом] алармизма» основаны не столько на анализе политического дискурса (в преддверии выборов политики разжигают мигрантофобию, манипулируя фактами), сколько на результатах опросов общественного мнения, которые выявляют массовые заблуждения относительно количества и состава мигрантов (переоценка доли мусульманских мигрантов и выходцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, недооценка их уровня образования, дохода и стремления к самообеспечению).

Массовое игнорирование объективной фактографии миграционных процессов авторы связывают с тем, что для объяснения миграции используется стандартная версия закона спроса и предложения: считается, что при малейшей возможности бедные люди устремляются туда, где дела идут намного лучше, а это приводит к снижению заработной платы и ухудшению положения местного населения (с. 30). За простотой и соблазнительностью данного объяснения кроется несколько ошибок (утверждений, не подкреплённых фактами): так, различия в заработной плате мало влияют на решение о миграции; даже большой прирост низкоквалифицированных мигрантов не наносит серьёзного ущерба местному населению (иногда последствия для него даже положительны; например, шансы коренных жителей на вертикальную профессиональную миграцию возрастают; мигранты заполняют непривлекательные для местных жителей отрасли; наиболее предприимчивые мигранты создают рабочие места). Мигранты далеко не всегда выталкиваются крайней нищетой, но практически всегда «бегут из глотки акулы» — от «краха нормальной повседневной жизни, что связан с непредсказуемостью и насилием» (с. 33). Авторы выделяют три условных типа мигрантов: (1) потерявшие свой дом («внешняя нужда к переезду»); (2) амбициозные («внутренняя нужда к переезду») и (3) подавляющее большинство между ними (сложный комплекс факторов исхода и успешности, не сводимых к экономическим стимулам).

Вывод авторов однозначен (хотя избыточно и преждевременно оптимистичен): «Мифы об иммиграции рушатся. Не существует свидетельств того, что низкоквалифицированная миграция в богатые страны приводит к снижению заработной платы и занятости местных жителей, рынки труда не похожи на рынки фруктов, и законы спроса и предложения к ним не применимы <...> Политическая взрывоопасность проблемы иммиграции связана с идеей о том, что число потенциальных мигрантов огромно, что существует поток чужаков, полчища иностранцев, какофония чужеродных языков и обычаев, ожидающих излияния за наши первозданные монокультурные границы. Тем не менее просто не существует доказательств того, что эти орды ждут такой возможности <...> и их нужно удерживать силой (или стеной) <...> Большинство бедных людей предпочитают оставаться дома (семейный комфорт, неформальные связи, сети взаимопомощи, образ жизни традиционных сообществ, переоценка рисков миграции) <...> Люди в богатых странах считают это настолько нелогичным, что отказываются в это верить, даже когда сталкиваются с фактами» (с. 65). Кроме того, «миграция представляет собой погружение в неизвестность, на которое многие люди соглашаются неохотно, даже если у них есть возможность накопить финансовые средства на покрытие различных непредвиденных расходов <...> Неудачи в миграции принимаются людьми близко к сердцу. Они слышали много историй успеха, рассказываемых

с восхищением, чтобы не почувствовать, что в результате неудачи они упадут в своих глазах, если не в глазах всего мира» (с. 83). По сути, авторы книги пишут о феномене социальной желательности и (или) одобрения: «большинство из нас хотят, чтобы нас считали умными, трудолюбивыми, морально стойкими людьми» (с. 84). В итоге «потенциальный мигрант, оставшись дома, всегда может поддерживать иллюзию мнимого успеха в случае отъезда» (с. 85); авторы называют данный феномен «мотивированными убеждениями».

Из этого следует, что «поощрение миграции, как внутренней, так и внешней, действительно должно стать политическим приоритетом. Однако правильный путь к этому состоит не в принуждении людей и не в искажении экономических стимулов, как это делалось в прошлом, а в устранении некоторых ключевых препятствий» (с. 98). Авторы предлагают упростить процесс миграции и более эффективно информировать о нем потенциальных мигрантов, облегчить денежные переводы между мигрантами и их семьями, ввести страхование мигрантов, изменить отношение местного населения, облегчить интеграцию мигрантов, помогать им с жильём, подбором рабочих мест, уходом за детьми и т. д. — «всё это позволит любому вновь прибывшему быстро найти своё место в обществе» (с. 99). Механизм реализации предложенных мер (особенно изменения отношения местного населения) в книге не прописан, что вызывает сомнения в их реалистичности, учитывая, что столь простые и очевидные шаги до сих пор в полной мере и на системной основе не реализует ни одно государство.

Кому выгодна (международная) свободная торговля?

Остальные макрокейсы рассматриваются в книге примерно в той же логике (но миграция наиболее интересна для читателя-социолога — как взгляд на объективный процесс, в том числе, через субъективные чаяния): устойчивые представления, их ошибочность и (или) неполнота, факты и предложения. Так, «идея выгоды (международной) свободной торговли является одним из самых старых положений современной экономической теории» (с. 103): уже более двух столетий считается, что торговля позволяет каждой стране специализироваться на том, что она делает лучше всего, поэтому взаимная торговля якобы обеспечивает выгоду всех участвующих сторон, но авторы рецензируемой книги с этим не согласны. В качестве обоснования указаны очевидные убытки торговли (для местных производителей — «жертв дешёвого импорта»); при доступе к одинаковым технологиям трудоёмкого производства выигрывает страна, относительно богатая рабочей силой, а капиталоемкого производства — обладающая значительным капиталом; не всегда понятно, какие данные свидетельствуют о либерализации торговли (значимые изменения политики сложно отличить от политической риторики), особенно в межстрановых сопоставлениях, и т. д. «Сравнительный анализ не позволяет прийти к определённым выводам о воздействии международной торговли, потому что и рост, и неравенство могут зависеть от очень многих различных факторов, причём торговля является лишь одним из них, а иногда даже следствием, а не причиной» (с. 119). Авторы приводят убедительные свидетельства того, что в ряде стран, особенно развивающихся, слишком инертны рынки и земли, и капитала, и труда, в частности, для перемещения ресурсов и прорыва на экспортные рынки. Кстати, однозначное преимущество книги — многочисленные примеры из личного прежде всего исследовательского опыта авторов.

Завершая обзор выгод и рисков свободной международной торговли, авторы делают удивительный вывод для нынешнего глобализирующегося мира: «Есть кое-что, что экономисты знают, но стараются держать при себе: совокупные выгоды от торговли для такой крупной экономики, как США, на самом деле довольно малы количественно. Правда в том, что если бы США вернулись к полной автаркии, не торгуя ни с кем, то они были бы беднее, но ненамного беднее» (с. 165). (Голоса сторонников аналогичной автаркической модели для России в последние годы тоже усилились.) Такие крупные экономики, как США и Китай, «обладают навыками и капиталом для самостоятельного производства большинства необходимых им товаров с очень высоким уровнем эффективности. Кроме того, их внутренние рынки

достаточно велики, чтобы поглощать продукцию многих заводов во многих секторах, ведущих производство в необходимом масштабе. Они потеряют относительно немного, если не будут торговать с остальным миром» (с. 169). (Схожие декларации российского истеблишмента публикуются и в наших медиа.) Для крупных развивающихся стран более важна внутренняя интеграция (её необходимость подчёркивают и российские власти): авторы приводят примеры интеграции с помощью железных дорог (в Индии и США), но в целом декларируют идею, которую последовательно реализует российское государство: «Малое не прекрасно <...> необходимо наличие минимального масштаба производства <...> крупные фирмы на крупном рынке» (с. 172).

Выводы авторов о международной торговле созвучны декларациям российского правительства: её выгоды сравнительно малы для крупных экономик, магических решений здесь не существует, свобода торговли не является универсальным решением задачи социально-экономического развития (оставляет многих в ещё худшем положении — «жертв» и «неудачников»), то есть «в той мере, в какой мы все извлекаем выгоду из международной торговли, мы должны коллективно оплачивать её издержки» (с. 183). (Прекрасный призыв, но, как и другие рекомендации, не развёрнутый в конкретную последовательность действий.) В главе «Негативные последствия торговли» в полной мере просматривается та особенность книги, что вызывает неоднозначное восприятие читателя-социолога: истоки многих проблем авторы усматривают в противоречии макропланирования (которым занимаются экономисты и политики) и реальной микрожизни. Например, «экономисты считали само собой разумеющимся, что рабочие легко могут изменить занятие или место жительства, или и то и другое, а если они не смогли этого сделать, то это в некотором роде их собственная вина³. Подобная убежденность окрасила социальную политику и вызвала переживаемый нами сегодня конфликт между “неудачниками” и всеми остальными» (с. 184). Помимо того, что авторы формулируют ряд лозунговых предложений по решению «диагностированных» проблем, они ведут повествование как бы на двух уровнях — описывают макропроцессы и приводят примеры из микрожизни, редко апеллируя к уровню групп и общностей.

Немного социальной психологии

Авторы категорически не приемлют популизма государственных лидеров, выражаемого в неприкрытой враждебности к «другим» («порочную лексику» и «бытовой расизм» социологи называют языком вражды и (или) ненависти). Авторские рассуждения о различиях убеждений и предпочтений представляются несколько надуманными, как и их утверждение, что «люди с недалёкими, узколобыми предпочтениями не смогут выжить на рынке, поскольку терпимость — это хорошая деловая практика» (с. 187). Авторы признают, что это правило работает не всегда (иногда и нетерпимость неплохо продаётся), но в целом рассуждают о макровещях (рынке), апеллируя к частным примерам («история одного человека из Марокко»), а в таком случае причинно-следственные связи плохо просматриваются и широкие экспликации вызывают сомнения (скажем, закрылись ли магазины Германа Стерлигова в центре Москвы вследствие нетерпимых объявлений в витринах или экономических просчётов?). Глава «Вкусы, желания и потребности», по крайней мере с социологической точки зрения, несколько путаная и одновременно тривиальная, поскольку все обозначенные вопросы давно обсуждаются в социальных науках: насколько стабильны и последовательны наши «стандартные предпочтения» и убеждения; насколько рациональны основания социального конформизма («простая стадная модель» проявила себя крайне неоднозначно в период пандемии); насколько альтруистическое поведение эгоистически детерминировано (ожиданием аналогичной помощи); как и когда самоподдерживающиеся нормы сообщества обретают реакционную, насильственную или разрушительную цель; как социальные стереотипы (особенно в национальной и миграционной сферах) объясняют негативные реакции местного населения (в социологии мы говорим о стереотипах, а авторы пишут об идентичности, что отражает лишь

³ Вероятно, корректнее говорить не о мнении экономистов, а о, согласно З. Бауману, доминирующем дискурсе современного общества [Бауман 2004].

один полюс проблемы — автостереотипы «мы-группы»). Авторы совершенно правильно отмечают, что «старомодные предрассудки» не всегда играют главную роль в (само)дискриминации; не менее важна «статистическая дискриминация»: скажем, я не знаю, действительно ли мигранты чаще имеют криминальное прошлое, чем местные жители, но убеждён, что среди мигрантов значительно больше преступников просто в силу их миграционного статуса. Если мы считаем, что мыслим рационально, а не под воздействием беспочвенных подозрений, то они запускают механизм «самовоспроизводящихся пророчеств» (люди начинают вести себя иначе, когда им напоминают об их групповой идентичности), но авторы признают, что он «проистекает из стереотипа, укоренившегося в социальном контексте» (с. 219) и в истории.

Авторы воспроизводят множество социально-психологических положений, лежащих в основе понятий «социальная конформность» и «социальная одобряемость»: мы чувствуем себя ужасно, когда разочаровываем себя и окружающих, поэтому выражаем наши предрассудки на «языке объективной истины»; «не любим менять своё мнение, потому что нам не нравится признавать, что мы были не правы с самого начала», и «избегаем той информации, которая может поставить нас в морально двусмысленное положение» (с. 225); «если у нас есть негативные мысли о других, то есть соблазн рационализировать наше поведение, обвиняя их», и «со временем инстинктивная [будем надеяться, что это метафорический эпитет] защитная реакция <...> сменяется тщательно выстроенным набором кажущихся убедительными аргументов» (с. 226), поэтому «факты или проверка фактов, по-видимому, не оказывают большого влияния на взгляды людей, по крайней мере в краткосрочной перспективе» (с. 227).

Предлагаемое авторами решение выглядит сомнительно именно в свете всего перечисленного выше: «Поскольку большинству из нас нравится думать, что мы порядочные люди, то предубеждённость может быть снижена, если мы попросим людей заявить о собственных ценностях, прежде чем судить о других» (с. 227). Впрочем, несомненна «необходимость такой социальной политики, которая позволит выйти за рамки экономического выживания и попытается восстановить достоинство тех, чьи профессии находятся под угрозой технического прогресса, международной торговли и других шоков. Подобная политика должна эффективно смягчать последствия потери уверенности в себе; старомодные податки правительства сами по себе больше не работают» (с. 229). Это гуманистическая рекомендация, к сожалению, нереализуема в современных условиях, когда многие правительства сокращают даже «податки», не говоря уже о том, что совершенно не понятно, как следует «восстанавливать достоинство» тех, кто существует на грани «экономического выживания».

Упомянутая выше «инстинктивная защитная реакция» — не единственный пример сочетания социально-психологической и (или) социологической терминологии с не вполне научными эпитетами применительно к социальному поведению. Например, авторы говорят о «в значительной степени бессознательной сегрегации» как источнике «причудливых предпочтений и (или) экстремальных политических взглядов» (с. 236); допускают, что «люди не просто рационально подавляют собственные мнения, присоединяясь к своему “стаду”», но и что возможны «только стадные мнения» — «несколько закрытых групп с противоположными мнениями и очень слабой способностью к уважительному общению друг с другом» (с. 237). Описывать подобным образом стереотипизацию как инструмент различения «мы-» и «они-групп» кажется преувеличением, хотя применительно к социальным сетям понятие «эхо-камера» работает хорошо («Единомышленники доводят себя до исступления, слушая только друг друга»), что приводит к «крайней поляризации мнений по поводу более или менее объективных фактов» (с. 237) и росту насилия в повседневной офлайн-жизни. Авторы делают и верное социолингвистическое наблюдение: «Политическую позицию конгрессмена можно предсказать на основе используемой им фразеологии» (с. 238), — поскольку представители разных политических (и не только) позиций говорят на разных «языках» и целерационально запускают «цунами предрассудков». Предлагаемые авторами методы борьбы с опасными для социальной интеграции предрассудками столь же прекрасному гумани-

стичны, сколь малореализуемы: они рекомендуют «убедить граждан в целесообразности их участия в решении политических вопросов», «восстановить доверие к общественной дискуссии о политике», «сделать всё возможное, чтобы смягчить гнев и чувство обездоленности» (с. 269–270).

В конце главы о «Вкусах, желаниях и потребностях» авторы уточняют задачу книги («демистифицировать» рассматриваемые проблемы) и переходят от тем «наиболее известных и понятных» (миграция и торговля) к «гораздо более спорным вопросам даже среди экономистов — будущему экономического роста, причинам неравенства и изменению климата», поскольку в изучении этих трёх вопросов экономисты используют более абстрактную и менее основанную на доказательствах аргументацию (с. 270).

Экономическому росту быть или не быть?

Видимо, поэтому пятая глава озаглавлена как вопрошание: «Конец эпохи роста?». Авторы полагают, что до относительно недавнего прошлого (примерно до 1970-х гг.) экономический рост был обусловлен быстрым подъёмом производительности труда благодаря тому, что работники становились более образованными и применяли всё больше оборудования лучшего качества, а управленцы и экономисты искали пути более эффективного использования ресурсов и сокращения отходов и потерь времени. Затем наступила «новая нормальность» — эпоха «медленных темпов экономического роста» (с. 278), и нет «никаких свидетельств, обещающих возврат к быстрым темпам роста измеряемого ВВП» (с. 290). Авторы не видят в этом трагедии по трём причинам: (1) одержимость экономическим ростом достигла невероятных масштабов; (2) любые истории об экономическом росте «сжимают невероятную сложность реального мира до наименьшего возможного состояния (абстракции)» (с. 305), описывая и сравнивая национальные экономики в целом и за долгосрочные периоды; (3) необходим дифференцированный подход для стран с разным уровнем развития и для разных экономических субъектов. Авторы не отрицают саму идею экономического роста; напротив, они отмечают, что именно он воздействует на благосостояние людей, а «несколько последних десятилетий были относительно неплохими для беднейших людей» (с. 333) (снижение уровня бедности и улучшение качества жизни бедных).

Проблему авторы видят в том, что «у нас нет готового рецепта для достижения роста в беднейших странах. Кажется, даже эксперты (Всемирного банка) приняли это <...> Нет никаких общих принципов и никакие два примера роста не похожи друг на друга» (с. 344–345). Тем не менее авторы книги приводят конкретные примеры, показывая, что, скажем, в развивающихся странах экономическому росту (высокой производительности) препятствует нерациональное распределение ресурсов (материальных, трудовых и интеллектуальных) в том числе вследствие устойчивых коммуникационных барьеров. Источник проблемы авторы не сводят к рыночному регулированию, а отмечают провалы и рынка, и государства (в духе Дж. Скотта; см., например: [Скотт 2005; 2017; 2020]). В частности, одним из «провалов» они считают трактовку роста ВВП как цели экономического подъёма, а не как средства для создания рабочих мест, увеличения заработной платы и пополнения государственного бюджета, то есть целью должно быть «повышение качества жизни среднего человека, а особенно наиболее бедных слоёв населения» (с. 380). Соответственно, «хотя мы и не знаем, когда отправится локомотив роста, если и когда это произойдёт, у бедных появится больше возможностей сесть на этот поезд, если у них будет хорошее здоровье, если они будут уметь читать и писать и если они смогут отвлечься от текущих проблем» (с. 385).

Глобальное изменение климата авторы оценивают с позиций несправедливости: наибольшее воздействие на него оказывает производство в самих богатых странах или для них (например, Китай стал крупнейшим в мире эмитентом углекислого газа, производя товары для других стран), а наибольшая доля издержек приходится на бедные страны (с высокими температурами связаны снижение урожаев, повышение смертности, ухудшение успеваемости в школах, сокращение дохода на душу населения),

поэтому только технологических усовершенствований недостаточно, необходим переход к устойчивому потреблению (с. 388). Авторы уверены, что «экономисты слишком любят использовать материальное потребление как маркер благосостояния» и «с подозрением относятся к попыткам изменить поведение», полагая, что «большинство людей добровольно не станет ничем жертвовать, чтобы повлиять на жизнь нерождённых людей или тех, кто живёт очень далеко» (с. 404), поэтому более оптимистичны в оценке перспектив изменения наших привычек и предпочтений (особенно мерами налогового воздействия и ограничения выбросов): «Многие из нас беспокоятся о целом ряде последствий, которые не влияют на нас напрямую, даже если нам трудно присвоить им денежную ценность» (с. 403–404). По этой причине необходимо лишь целерационально распределить расходы на сдерживание глобального потепления, возложив большую их часть на самых богатых граждан самых богатых стран (сомнительно, что они на это согласятся).

Одну из причин того, почему «экономический рост оставляет в стороне большинство граждан», авторы видят в том, что «его важнейшим фактором станет замена людей роботами» (уже сейчас людей всё чаще заменяют машины) (с. 421). Перспективы цифровизации и роботизации авторы оценивают оптимистично в плане скорости их распространения и внедрения, но пессимистично с точки зрения роста «избыточности работников с “обычными” навыками <...> и широкого спектра профессий» (с. 422–423). Пока экономисты не пришли к общему выводу о результатах широкомасштабной автоматизации и межотраслевого перераспределения работников, поэтому авторы оценивают текущий момент (вряд ли радикальные изменения произошли с первого квартала 2019 г., когда писалась книга): «Люди пока не стали излишними» (с. 425). С одной стороны, сохранилось общее количество рабочих мест, но возросло неравенство доходов вследствие увеличения спроса и на очень квалифицированных, и на совершенно неквалифицированных работников. С другой стороны, стали очевидны недостатки чрезмерной и нерегулируемой автоматизации: новые технологии вытесняют рабочую силу, но незначительно повышают общую производительность.

Вывод авторов столь же неоспорим, сколь и недостижим (непонятно, что мешало сделать это раньше и кто подразумевается под «коллективным мы» — вряд ли социетальное сообщество в духе Дж. Скиортино (см., например: [Sciortino 2005; 2010; 2021]): «Если мы как общество коллективно не сможем разработать политику, которая поможет людям выжить и сохранить своё достоинство в этом мире высокого неравенства (налогообложения, обуздывающего неравенство на вершине распределения доходов и богатства недостаточно), то доверие граждан к способности общества [или государства и элит?] справиться с этой проблемой может быть навсегда подорвано. Это подчёркивает настоятельную необходимость разработки и адекватного финансирования эффективной социальной политики» (с. 486). Эту задачу авторы считают «одним из величайших вызовов нашего времени <...> На карту поставлена сама идея хорошей жизни, какой мы её знаем. У нас есть ресурсы <...> Нам не хватает идей, которые помогут нам преодолеть разделяющую нас стену разногласий и недоверия» (с. 513).

В книге намечены несколько путей для восстановления «легитимности государства <...> и веры в его надёжность» (с. 488): налоговая реформа, которая затронет не только сверхбогатых, но и просто богатых и средний класс (данные не подтверждают, что высокие налоги убивают инициативу и останавливают экономический рост) и позволит расширить спектр и объём тех государственных услуг, для которых не существует заменителей в частном секторе; сдержанные оценки, поскольку «представление бюрократов и политиков либо неуклюжими идиотами, либо коррумпированными подонками <...> наносит серьёзный ущерб (вызывает рефлекторный протест против всех предложений расширить сферу государственной деятельности, даже когда участие правительства явно необходимо; дефицит квалифицированных кадров в государственном аппарате; слишком большое число ограничений для правительственных чиновников и государственных контрактов)» (с. 503–506).

Выплата денег или забота: как бороться с бедностью?

Причина провала нынешней модели социальной политики видится авторам в противоречии между выплатой денег (тем, кто не процветает в рыночной экономике, для поиска собственного пути) и заботой (бросить бедных на произвол судьбы или, напротив, вторгаться в их жизнь). В качестве примера рассмотрена концепция универсального базового дохода, согласно которой правительство должно выплачивать каждому члену общества «достаточно существенный гарантированный базовый доход независимо от его потребностей» (с. 516). Концепция «предполагает невмешательство государства» (с. 517), а ее общепризнанная положительная черта — отсутствие таргетирования и мониторинга: большинство социальных программ основаны на сложных правилах отбора и контроля тех, кто действительно нуждается в помощи, но постоянное умножение правил может сделать круг получающих социальную помощь гораздо меньше необходимого — и объективно (отпугнёт нуждающихся сложностью процесса), и субъективно (отпугнёт тех, кто не хочет признавать себя нуждающимся по причине социальной стигматизации «неудачников» в обществе, где якобы каждый может преуспеть). В качестве подтверждения приводятся примеры людей, проявивших «контрпродуктивный пессимизм» и отказавшихся от попыток получить помощь после того, как « всю жизнь их вышвыривали» (с. 523).

Бедность и инструменты борьбы с ней подробно рассмотрены в другой работе авторов — в книге «Экономика бедных. Радикальное переосмысление способов преодоления мировой бедности» [Banerjee, Duflo 2011] (см. о ней: [Stoesz 2014]), где в качестве основного сдерживающего фактора этой борьбы постулируется «стремление свести проблему бедности к набору клише», то есть «руководство непроверенными обобщениями в лучшем случае и вредными заблуждениями — в худшем» [Банерджи, Дюфло 2021b: 4]. Учёные любят оперировать обобщающими моделями, либо игнорируя конкретные случаи, либо апеллируя к единственному эксперименту в качестве окончательного ответа на поставленный вопрос, «экономистам нравятся простые (упрощённые) теории, и они любят представлять их в графическом виде» [Банерджи, Дюфло 2021b: 34]. Авторы поэтому настаивают на необходимости опираться на совокупность знаний о типичных «ловушках бедности» и основных факторах, их порождающих: не нехватка продовольствия, а институциональные сбои; не количество еды, а её качество; низкие инвестиции в образование и здравоохранение; социальная стигматизация бедности; сочетание нереалистичных целей, неоправданно пессимистичных ожиданий и неправильных стимулов для бедных на всех ступенях социальной лестницы; отсутствие знаний и доступа к средствам контрацепции; отсутствие системы социальной защиты и финансовых институтов, позволяющих сделать сбережения на старость; политическое насилие, преступность и коррупция; использование бедными тех способов контроля рисков, в которые встроены высокие издержки (многодетность, консервативное управление предприятиями, диверсификация деятельности, временная миграция и т. д.) — вот предлагаемый ими перечень основных факторов и «ловушек» бедности.

Один из высоко оцениваемых в книге «Экономика бедных...» инструментов смягчения проблем бедности — микрокредитование, которое поддерживает малый бизнес и «преодолевают представление о бедных как о беззаботных или совершенно некомпетентных людях» [Банерджи, Дюфло 2021b: 314], но в России этот инструмент превратился ещё в один способ ограбления бедных. Однако и авторы книги не считают микрокредитование панацеей от бедности: оно «не способно проложить путь к массовому выходу из нищеты» [Банерджи, Дюфло 2021b: 390], особенно в условиях доминирования «плохих институтов», которые не поощряют граждан инвестировать, копить и развивать новые технологии, а, напротив, помогают лидерам организовывать экономическую жизнь для извлечения личной выгоды и «закрепляют существование других плохих институтов» [Банерджи, Дюфло 2021b: 397].

В заключительной главе авторы задаются вопросом: если у действующих социальных программ столько недостатков, почему столь сильно сопротивление универсальному базовому доходу? Их ответ пре-

дельно прост: деньги — универсальные программы слишком дороги и потребовали бы от государства сократить расходы на свои традиционные функции даже при условии повышения налогов. Предложение снижать размер универсального трансферта с ростом доходов проблему не устраняет, потому что запускает таргетирование со всеми его недостатками. Ещё один значимый фактор, препятствующий введению универсальных трансфертов, — социальные стереотипы управленцев и элит, которые полагают, что, получив денежные трансферты, люди перестанут работать (эффект лени) и потратят деньги на удовлетворение сиюминутных желаний (включая алкоголь), а не важных потребностей, хотя тому нет фактических подтверждений, и «политические деятели ссылаются на анекдоты» (с. 541).

Будучи сторонниками универсального дохода, авторы всё же признают, что пока нет данных о его долгосрочном воздействии (проведены лишь отдельные эксперименты), поэтому в качестве более приемлемой альтернативы предлагают сочетание выплачиваемого всем универсального ультрабазового дохода с более крупными целевыми трансфертами (например, на образование детей) с минимальным (то есть дешёвым) контролем и таргетированием. Авторы не отрицают и иные модели социальных программ, предъявляя к ним одно гуманистическое требование — «переход от покровительственного отношения к уважительному»: люди «могут иметь проблемы, но сами не являются проблемой. Они имеют право на то, чтобы их принимали такими, какие они есть, и чтобы их не судили по тем трудностям, с которыми они сталкиваются <...> Цель социальной политики в наше время перемен и тревог состоит в том, чтобы помочь людям справиться с претерпеваемыми ими потрясениями» (с. 601) не на словах, а на деле. «К сожалению, мы унаследовали совсем не такую систему <...> и слишком многие политики не пытаются скрыть своё презрение к бедным и обездоленным» (с. 601). Российские управленцы часто шокируют население подобными высказываниями; например, о возможности прожить на 3500 рублей в месяц: «Можно, сбалансированным питанием можно <...> Я могу составить сбалансированное, но диетическое меню исходя из цен в магазинах со скидками. И вы поймёте, что жить можно! Вы станете моложе, красивее и стройнее! Макарошки всегда стоят одинаково!.. А после 40 дней поста только здоровья прибавится!» [Семёнова 2018]. Или о том, что «у молодёжи, у подрастающего поколения, складывается понимание того, что государство им всё должно. Нет. Вам государство в принципе ничего не должно, вам должны ваши родители. Потому что они вас родили — государство не просило вас рожать!» [Благинина 2018].

Заключение

Главную задачу книги (и своей научной и публицистической деятельности) её авторы видят в том, чтобы «вернуть экономической науке былое величие»⁴, и не только экономической: себя авторы позиционируют как «представителей общественных наук», стремящихся «содействовать коммуникации между разделёнными сторонами, помогая каждой стороне понять, что говорит другая», то есть защищая принципы социального согласия, разумного обоснования разногласий, понимания и уважения разных позиций (с. 12). По мнению авторов, государственная политика располагает огромными возможностями (в том числе нанесения и ущерба, и пользы), и цель экономической теории (и социальных наук в целом) — помогать принимать хорошие решения. Экономическая наука может быть и хорошей (пресекает невежество и идеологию), и плохой («проложила путь к нынешнему тупику взрывающегося неравенства и разгневанной инертности»), и зашоренной (видит в международной торговле только положительные стороны), и слепой («просмотрела растущую социальную фрагментацию <...> и надвигающуюся экологическую катастрофу») (с. 608). «История показывает нам снова и снова, что побеждающие в конечном итоге идеи могут быть как хорошими, так и плохими <...> Единственное, что мы можем противопоставить плохим идеям, это сохранять бдительность, не поддаваться соблазну “очевидного”, скептически относиться к обещаемым чудесам, исследовать факты, терпеливо преодолевать

⁴ Перефразированный лозунг Д. Трампа на выборах президента США в 2016 г. стал названием первой главы книги: «MEGA: Make Economics Great Again» (с. 11).

сложности и честно говорить о том, что мы знаем и что мы можем знать. Без такой бдительности разговоры о многогранных проблемах превращаются в лозунги и карикатуры, а анализ политики подменяется шарлатанством <...> Экономика слишком важна, чтобы оставлять её экономистам» (с. 608).

На протяжении всей книги подчёркивается, что «возвращение человеческого достоинства на его центральное место <...> ведёт к полному переосмыслению экономических приоритетов и тех способов, которыми общества заботятся о своих членах, особенно когда они в этом нуждаются» (с. 26). Однако продолжающиеся дискуссии о безусловном базовом доходе в ряде западных стран и введение в России с 1 января 2023 г. единого детского пособия свидетельствуют о том, что государства продолжают рассматривать благосостояние исключительно с доходной точки зрения, поскольку экономическая эффективность — более предпочтительный для управленцев показатель, чем социальная эффективность, сложная для измерения и отложенная во времени.

Литература

- Банерджи А., Дюфло Э. 2021а. *Экономическая наука в тяжёлые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности* (перев. с англ. М. Маркова, А. Лащева; под науч. ред. Д. Раскова). М.: Изд-во Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Банерджи А., Дюфло Э. 2021б. *Экономика бедных. Радикальное переосмысление способов преодоления мировой бедности* (перев. с англ. М. Маркова, под науч. ред. Д. Кадочникова). М.: Изд-во Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Бауман З. 2004. Рассказанные жизни и прожитые истории. *Социологические исследования*. 1: 5–13.
- Благинина Е. 2018. «Никто не просил вас рожать»: уральская чиновница заявила о том, что государство ничего не должно молодёжи. *Комсомольская правда: Екатеринбург*. 8 ноября. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26903.7/3948698>
- Воронов Ю. П. 2020. Помог бедным — не спи спокойно (О Нобелевской премии по экономическим наукам 2019 года). *Мир новой экономики*. 14 (1): 77–87.
- Кушнарёв К. 2021. По ту сторону сообщества. О книге Абхиджит Банерджи и Эстер Дюфло «Экономическая наука в тяжёлые времена». *Экономическая политика*. 16 (1): 124–133.
- Мещерякова Н. Н. 2020. Социальные последствия липкой экономики. *Экономическая социология*. 21 (4): 125–138. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2020/10/02/1368400919/ecsoc_t21_n4.pdf#page=125
- Семёнова Е. 2018. Саратовский министр считает, что можно питаться на 3,5 тысячи рублей в месяц, хотя сама зарабатывает 191 тысячу. Ей самой жить на такие скромные деньги мешает статус. *Комсомольская правда: Саратов*. 12 октября. URL: <https://www.saratov.kp.ru/daily/26894.7/3938203>
- Скотт Дж. 2005. *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни* (перев. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой). М.: Университетская книга.
- Скотт Дж. 2017. *Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии* (перев. с англ. И. Троцук). М.: Новое издательство.

- Скотт Дж. 2020. *Против зерна. Глубинная история древнейших государств* (перев. с англ. И. Троцук). М.: Дело.
- Ball L. 2020. Can Well-Designed Experiments Make the Case for Government Intervention? *National Review*. March 19. URL: <https://www.nationalreview.com/magazine/2020/04/06/can-well-designed-experiments-make-the-case-for-government-intervention>
- Banerjee A., Duflo E. 2007. The Economic Lives of the Poor. *Journal of Economic Perspectives*. 21 (1): 141–168.
- Banerjee A., Duflo E. 2009. The Experimental Approach to Development Economics. *Annual Review of Economics*. 1: 151–178.
- Banerjee A. et al. 2015. The Miracle of Microfinance? Evidence from a Randomized Evaluation. *American Economic Journal: Applied Economics*. 7 (1): 22–53.
- Crabtree J. 2019. Good Economics for Hard Times by Abhijit Banerjee and Esther Duflo. Practical Solutions to Help the “Left Behind”. *Financial Times*. November 25. URL: <https://www.ft.com/content/3cb678e2-0d13-11ea-b2d6-9bf4d1957a67>
- Kumar A. 2020. Book Review: Abhijit V. Banerjee and Esther Duflo, Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems. *Social Change*. 50 (2): 327–331.
- Oommen M. A. 2020. Book Review: Abhijit Banerjee and Esther Duflo, Good Economics for Hard Times. *Social Change*. 50 (3): 485–488.
- Sciortino G. 2005. How Different Can We Be? Parsons’ Societal Community, Pluralism and the Multicultural Debate. In: Fox R. C., Lidz V. M., Bershady H. J. (eds.). *After Parsons*. New York: Russell Sage; 111–136.
- Sciortino G. 2010. A Single Societal Community with Full Citizenship for All: Talcott Parsons, Citizenship and Modern Society. *Journal of Classical Sociology*. 10 (3): 239–259.
- Sciortino G. 2021. A Blueprint for Inclusion: Talcott Parsons, the Societal Community and the Future of Universalistic Solidarities. *American Sociologist*. 52: 159–177.
- Srivastava A. 2020. Book Review: Abhijit V. Banerjee and Esther Duflo, Good Economics for Hard Times, India: Juggernaut Books, 2019, 416 pp. *History and Sociology of South Asia*. 14 (1–2): 57–66.
- Stoesz D. 2014. Book Review: Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty. *Research on Social Work Practice*. 24 (4): 504–505.

NEW BOOKS

Irina Trotsuk

A Book on Economics for Sociological Reading

Book Review: Banerjee A., Duflo E. (2021) *Ekonomicheskaya nauka v tyazhelye vremena. Produmannyye resheniya samykh vazhnykh problem sovremennosti* [Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems], Moscow: Gaidar Institute Press; St. Petersburg: Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg University, 624 pp. (in Russian).

TROTSUK, Irina — DSc in sociology, Professor, Department of Sociology, RUDN University; Senior Research Fellow, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 6 Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russian Federation.

Email: irina.trotsuk@yandex.ru

Abstract

The book under review was first published in 2019 and could not help but draw attention from the academic community as a form of the intra- and interdisciplinary “self-reflection” for the two world “star” economists who received the Nobel Prize in 2019. Russian researchers had mixed reactions to the book, noting the development of tools to increase the efficiency of foreign aid to poor countries (see, e. g.: [Banerjee, Duflo 2007; 2009; Banerjee, Duflo, Glennerster, Kinnan 2015]); an issue topical in light of the number of the developing countries’ debts “forgotten” by the Russian state (see, e. g.: [Voronov 2020]). However, the book received positive reviews from both international and Russian readers. The former appreciated its accessible style, and the focus on applied solutions for the urgent social-economic global problems aimed at creating a more humane world. They, however, also, noted a lack of critical assessment of the ‘capitalist worldview’, ignorance of certain issues (for instance, shadow economy), overly bold comparisons and generalizations, and vague practical recommendations (see, e. g.: [Crabtree 2019; Ball 2020; Kumar 2020; Oommen 2020; Srivastava 2020]). Russian readers agreed with these remarks, but also noticed the regrettable mismatch between the scale and the regional coverage of the book, its reliance on facts and the fight against stereotypes, and the authors’ ignorance of the Russian “case” and political-economic generalizations, and also questioned the authors’ estimates and forecasts under and after the pandemic (see, e. g.: [Meshcheryakova 2020; Kushnarev 2021]). For the sociological reader interested in the current Russian realities, the review summarizes the main themes of the book as the status of economics and economy, types of social polarization, myths and facts about migration, opportunities and limitations of free trade, social-psychological mechanisms of economic processes, uncertainty of economic growth, and ways to mitigate poverty. However, it is noted that it seems that one cannot speak of a victory over or even a tense struggle against poverty today due to the actualization of the militaristic-geopolitical agenda.

Keywords: economics and economic policy; contemporary problems; migration; poverty; economic growth; free trade; beliefs and stereotypes; regulation and reform.

Acknowledgements

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

References

- Ball L. (2020) Can Well-Designed Experiments Make the Case for Government Intervention? *National Review*, March 19. Available at: <https://www.nationalreview.com/magazine/2020/04/06/can-well-designed-experiments-make-the-case-for-government-intervention> (accessed 20 December 2021).
- Banerjee A., Duflo E. (2007) The Economic Lives of the Poor. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 21, no 1, pp. 141–168.
- Banerjee A., Duflo E. (2009) The Experimental Approach to Development Economics. *Annual Review of Economics*, vol. 1, pp. 151–178.
- Banerjee A., Duflo E. (2011) *Poor Economics. A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*, New York: Public Affairs.
- Banerjee A., Duflo E. (2021a) *Ekonomicheskaya nauka v tyazhelye vremena. Produmannye resheniya samykh vazhnykh problem sovremennosti* [Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems], Moscow: Gaidar Institute Press; St. Petersburg: Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg University (in Russian).
- Banerjee A., Duflo E. (2021b) *Ekonomika bednykh. Radikalnoe pereosmyslenie sposobov preodoleniya mirovoy bednosti* [Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty]. Moscow: Gaidar Institute Press; St. Petersburg: Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg University (in Russian).
- Banerjee A., Duflo E., Glennerster R., Kinnan C. (2015) The Miracle of Microfinance? Evidence from a Randomized Evaluation. *American Economic Journal: Applied Economics*, vol. 7, no 1, pp. 22–53.
- Bauman Z. (2004) Rasskazannye zhizni i prozhitye istorii [Lives Told and Stories Lived]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 1, pp. 5–13 (in Russian).
- Blaginina E. (2018) “Nikto ne prosil vas rozhat”: uralskaya chinovnitsa zayavila o tom, chto gosudarstvo nichego ne dolzhno molodezhi [“No One Asked Your Parents to Have You”: The Ural Official Said That the State Owes Nothing to the Youth]. *Komsomolskaya pravda: Yekaterinburg*. November 8. Available at: <https://www.ural.kp.ru/daily/26903.7/3948698> (accessed 15 November 2021) (in Russian).
- Crabtree J. (2019) Good Economics for Hard Times by Abhijit Banerjee and Esther Duflo. Practical Solutions to Help the “Left Behind”. *Financial Times*, November 25. Available at: <https://www.ft.com/content/3cb678e2-0d13-11ea-b2d6-9bf4d1957a67> (accessed 20 December 2021).
- Kumar A. (2020) Book Review: Abhijit V. Banerjee and Esther Duflo, Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems. *Social Change*, vol. 50, no 2, pp. 327–331.
- Kushnarev K. (2021) Po tu storonu soobshchestva. O knige Abhijit Banerjee i Esther Duflo “Ekonomicheskaya nauka v tyazhelye vremena” [Beyond the Community: On the Book “Good Economics for Hard Times” by Abhijit Banerjee and Esther Duflo]. *Economic Policy = Ekonomicheskaya Politika*, vol. 16, no 1, pp. 124–133 (in Russian).
- Meshcheryakova N. (2020) Sotsial’nye posledstviya lipkoy ekonomiki [Sticky Economy’s Social Consequences. Book Review on Banerjee A. V., Duflo E. (2019) Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems, New York: Public Affairs. 432 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 4, pp. 125–138. doi: 10.17323/1726-3247-2020-4-125-138 (in Russian).

- Oommen M. A. (2020) Book Review: Abhijit Banerjee and Esther Duflo, Good Economics for Hard Times. *Social Change*, vol. 50, no 3, pp. 485–488.
- Sciortino G. (2005) How Different Can We Be? Parsons' Societal Community, Pluralism and the Multicultural Debate. *After Parsons* (eds. R. C. Fox, V. M. Lidz, H. J. Bershad), New York: Russell Sage, pp. 111–136.
- Sciortino G. (2010) A Single Societal Community with Full Citizenship for All: Talcott Parsons, Citizenship and Modern Society. *Journal of Classical Sociology*, vol. 10, no 3, pp. 239–259.
- Sciortino G. (2021) A Blueprint for Inclusion: Talcott Parsons, the Societal Community and the Future of Universalistic Solidarities. *American Sociologist*, vol. 52, pp. 159–177.
- Scott J. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed], Moscow: University Book Publishing House (in Russian).
- Scott J. (2017) *Iskusstvo byt nepodvlastnym. Anarkhicheskaya istoriya vysokogoriy Yugo-Vostochnoy Azii* [The Art of not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia], Moscow: New Publishing House (in Russian).
- Scott J. (2020) *Protiv zerna. Glubinnaya istoriya drevneyshikh gosudarstv* [Against the Grain: A Deep History of the Earliest States], Moscow: Publishing House “Delo” (in Russian).
- Semenova E. (2018) Saratovsky ministr schitaet, chto mozjno pitatsya na 3,5 tysyachi rubley v mesyats, khotya sama zarabatyvaet 191 tysyachu. Ey samoy zhit na takie skromnye dengi meshaet status [Saratov Minister Believes that One Can Survive on 3.5 Thousand Rubles for Food a Month, Although She Earns 191 thousand Rubles. Her Status Prevents Her from Living on Such Modest Money]. *Komsomolskaya pravda: Saratov*, October 12. Available at: <https://www.saratov.kp.ru/daily/26894.7/3938203> (accessed 15 November 2021) (in Russian).
- Srivastava A. (2020) Book Review: Abhijit V. Banerjee and Esther Duflo, Good Economics for Hard Times, India: Juggernaut Books, 2019, 416 pp. *History and Sociology of South Asia*, vol. 14, no 1–2, pp. 57–66.
- Stoesz D. (2014) Book Review: Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty. *Research on Social Work Practice*, vol. 24, no 4, pp. 504–505.
- Voronov Yu. P. (2020) Pomog bednym — ne spi spokojno (O Nobelevskoy premii po ekonomicheskim naukam 2019 goda) [After Helping the Poor — Don't Sleep Well (Nobel Prize in Economic Sciences 2019)]. *The World of the New Economy = Mir Novoi Ekonomiki*, vol. 14, no 1, pp. 77–87 (in Russian).

Received: December 20, 2022

Citation: Trotsuk I. (2023) Ekonomicheskaya kniga dlya sotsiologicheskogo chteniya [A Book on Economics for Sociological Reading. Book Review on Banerjee A., Duflo E. (2021) *Ekonomicheskaya nauka v tyazhelye vremena. Produmannye resheniya samykh vazhnykh problem sovremennosti* [Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems], Moscow: Gaidar Institute Press; St. Petersburg: Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg University, 624 pp. (in Russian)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 1, pp. 133–148. doi: 10.17323/1726-3247-2023-1-133-148 (in Russian).